

ГЛАВА V

МОЯ ОТСТАВКА

На этом заседании решилась моя первая отставка. Через неделю новый Председатель Правительства Н. Н. Жордания составил новый кабинет. Кабинет остался тот же, за исключением помощника Военного Министра, т. е. меня. Еще до составления нового кабинета ко мне позвонил по телефону Н. В. Рамишвили, который заменял в Правительстве отсутствовавшего за границей председателя Правительства А. И. Чхенкели. Он просил меня немедленно вызвать в Тбилиси ген. Артмеладзе и экстренно. Я его спросил о причине вызова. Он мне ответил: „Он мне нужен“. Это было после того заседания, на котором Н. Н. Жордания заявил, что я не могу быть во главе Военного Министерства. Ясно было, что намечался новый помощник Военного Министра.

Как я потом узнал, ген. Артмеладзе отказался категорически. Когда был составлен новый кабинет, то мне объявили, что в новый кабинет помощником Военного Министра приглашен ген. Одишелидзе, но что ввиду его пребывания за границей я должен продолжать исполнять эту должность. Опять комедия. Я подал в отставку совершенно от военной службы. Военный Министр сказал мне, что этот вопрос будет разбираться в заседании Правительства. Я был на этом заседании. Председательствовал Н. Н. Жордания. Когда дело дошло до моего рапорта об отставке, Н. Н. встал и сказал, что он торопится на заседание Совета солдатских и рабочих депутатов, и передал председательствовавшему Н. В. Рамишвили. Началась канитель; уговаривали остаться на должности сначала до приезда ген. Одишелидзе, потом в качестве члена Военного Совета, которого, кстати сказать, не существовало. Я никак не мог убедить их, что с должности Главнокомандующего можно уйти только в отставку, и категорически настаивал на увольнении меня в отставку. Тогда Н. В. Рамишвили позволил себе сказать: „Генерал, мы на днях введем трудо-

вую повинность и по этой повинности заставим Вас служить“. Как вам нравится такая постановка вопроса? Даже большевики не додумались до этого. Высших военных они приглашали и обставляли их жизнь по обычаям старого режима, они переманивали их к себе и никогда не применяли в отношении их трудовой повинности, понимая отлично, что на этих должностях можно работать лишь от сердца, а не по принуждению. По способу же Н. В. Рамишвили не трудно было дойти до превращения лиц, занимающих такие должности, как Главнокомандующий и помощник Военного Министра, просто в проституток. „Вот это обстоятельство и побуждает меня уйти в отставку непременно, ибо при таких порядках уже совершенно нельзя служить“, — ответил я и ушел с заседания. Но у Н. В. Рамишвили свой кругозор, он по-своему решает все вопросы; но конечно, только не те, которые касаются их партии и партийных отношений; его способ — это устрашение, а арест есть всегдашний его способ разрешения всяких трудных вопросов. Совсем шедринский губернатор. Несмотря на категоричность моего желания уйти в отставку, Правительство под председательством Н. В. Рамишвили постановило назначить меня членом несуществующего Военного Совета. На другой день я заявил Военному Министру, что если с должности Главнокомандующего он не считал себя вправе уволить меня в отставку, то с должности члена Военного Совета, тем более не существующего, он может меня уволить в отставку. Он обещал отдать приказ и через несколько дней, не заботясь более об этой формальности, я уехал в деревню в Кахетию к своему шуруну, у которого прожил до первых чисел октября. Таким образом состоялась моя первая отставка.

За это время я забыл упомянуть об одном обстоятельстве. Как я уже неоднократно упоминал, войск грузинских не было, они еще представляли кое-какую силу на фронтах, но на мирных стоянках это была толпа и при том недисциплинированная. Ввиду этого все имущество, оставляемое и бросаемое Кавказским фронтом, приходилось отдавать на хранение Гвардии, которая, как я уже говорил, стояла на страже правопорядка в стране. Но это хранение Гвардия понимала довольно своеобразно. Все, что туда попадало, рассматривалось как свое и впоследствии уже никакими силами нельзя было оттуда выпарпать. Вот пример наиболее яркий. Спустя два года после, когда я был начальником Военной Школы, я, будучи в одной комиссии, увидел у гвардейцев в складе пулеметы образца Кольта и артиллерийские зрительные трубы. Я просил бывшего тут же В. Джугели дать по одному экземпляру в Школу для обучения юнкеров и солдат, так как таковых образцов в Школе не было. Мне было отказано. Так смотрели гвардейцы на это имущество. Им передавалось для хранения с тем, чтобы потом использовать для общего дела,

но они это получаемое имущество рассматривали как свое собственное и считали себя наследниками всего остающегося имущества.

В течение моего пребывания на посту помощника Военного Министра Правительством был образован Комитет снабжения и сей последний вбирал в себя что можно было. Но этот последний комитет, как учреждение государственное, был все же закономернее и из него, хотя и с большим трудом, все же кое-что впоследствии можно было получить, хотя и за деньги.

Итак я в отставке, в деревне, где я пробыл три месяца и где научился читать и писать по-грузински, но языком, конечно, еще не овладел. В октябре я прибыл в Тбилиси и продолжал свои занятия грузинским языком. Тогда же по просьбе редактора грузинской военной газеты я написал несколько статей, прокорректированных и исправленных Тедо Сахокия, моим учителем грузинского языка. Затем по инициативе деятелей той же газеты было устроено маленькое грузинское военное общество ревнителей военных знаний. У них в редакции собрались военные, обсудили этот вопрос; затем составили устав этого общества, меня избрали председателем и хотели было перейти к деятельности, как грянула армяно-грузинская война.

За мое время грузинские войска организовывались в пехотные дивизии, четырехполкового состава каждая; с соответствующей артиллерией; конницу составляли два конных полка с конной батареей; наряду с этим организовывались саперы, авио, радио и прочие технические части. После моего ухода войска продолжали формироваться по этой же схеме. При мне на должность начальника штаба я пригласил ген. Андроникашвили. После моего ухода мою должность временно занял ген. Андроникашвили, а затем в деревне я узнал, что помощником В. Министра назначен не ген. Одишелидзе, как говорили мне, а ген. Александр Гедеванишвили. Я очень был рад, зная его, как одного из лучших строевых начальников, к тому же, хотя и не генерального штаба, но окончившего по 2-му разряду. Я никогда не служил с ним вместе раньше, но отзывы о нем были самые лучшие. Я не буду разбирать его и его деятельность, но скажу, что во многом мне впоследствии пришлось разочароваться. Как я упоминал раньше в моих записках, он был назначен комендантом Батумской крепости. Туда же был назначен и ген. Мдивани. Во время падения Батуми ген. А. Гедеванишвили попал в плен к туркам, как и ген. Артмеладзе со своим начальником штаба полк. И. Гедеванишвили и многими другими. Ген. Мдивани вместе с И. В. Рамнишвили удалось ускользнуть на истребителя. Передавали, что отъехав от пристани, И. В. Рамнишвили сказал: „Ловко выскочили“. Характерная фраза. Вернувшись в Тбилиси, ген. Гедеванишвили явился в Военное Министерство и пока я был при Министерстве. В это время

Военный Министр сказал мне, что следует назначить расследование о сдаче крепости Батуми. Я заметил, что практически вряд ли это будет иметь какой-либо реальный результат, но не настаивал не делать этого, тем более что переговорил об этом с ген. Гедеванишвили, который мне сказал, что он очень будет этому рад. Я уже составил проект приказа о следствии, когда был удален со своей должности. Почему после моего ухода не было назначено следствие, не знаю, и это особенно удивительно, так как Военный Министр, когда я был его помощником, очень настаивал и все время торопил меня составлением приказа. Итак, вместо того, чтобы понасть на скамью подсудимых, ген. Гедеванишвили попал на кресло помощника Военного Министра, а спустя месяца два на такое же кресло другого помощника Военного Министра попал ген. Мдивани. Таким образом Правительство быстро изменило свой взгляд. Сначала оно собиралось, собственно говоря, их судить, а затем решило посадить их на самые ответственные места военной иерархии. И это было сделано, не выяснив их правоты по суду, даже не произведя следствия, чтобы хоть по последнему составить себе то или другое мнение. Такая перемена взгляда — это тоже их тайна. Так или иначе, перед войной с армянами во главе Военного Ведомства стояли: ген. А. Гедеванишвили по строевой части, а ген. Мдивани по хозяйственной.

*
* *

Когда я вернулся из деревни, то явился ген. Гедеванишвили. В приказе по Военному Ведомству я был уволен в отставку с мундиром: к пенсией, и просил оформить это и указать, как, когда и какую сумму буду получать. Я обратился к нему, а не прямо к Военному Министру по привычке нашей военной субординации и думал с его стороны встретить содействие. Каково оказалось его содействие, сейчас опишу.

Сначала он сказал, что доложит Военному Министру и ускорит это дело. Потом через некоторое время он сказал, что ввиду отсутствия пенсионного устава этот вопрос надо будет доложить в Правительстве. Потом еще через некоторое время он сказал, что нужно выяснить, по какой должности мне рассчитать пенсию, при этом он добавил, что по законам российским я должен был быть два года на должности, чтобы получать пенсию по этой должности. Я ему возразил, что российские законы нельзя применять к нам, так как они совершенно не предусматривали Главнокомандующего войсками и помощника Военного Министра республики Грузии; что, наконец, если их применять, то я должен получить пенсию по предыдущей должности и поэтому, если моя последняя должность члена Военного Совета, то я должен получать по должности Главнокомандующего, как

по предыдущей; если же моей последней должностью будет рассматриваться должность Главнокомандующего Грузинскими войсками то в этом последнем случае, следуя тому же закону, пенсию мне должны определить по предыдущей должности, т. е. по должности Главнокомандующего войсками Закавказской Республики. Во всяком случае, так или иначе, а вопрос надо решить скорее, так как с июля месяца (а это был уже ноябрь) я никакого содержания не получал. Он опять обещал все ускорить. Я опять ждал, ждал и все получаю ответы, что нужно то одно, то другое составить и т. п. Тогда я пошел к Военному Министру, и вдруг он мне сказал, что все это он сам устроит, что он отдаст приказ без Правительства. Я зашел к Гедевановичи и сказал ему об этом. Во время моего нахождения у него, зашел Военный Министр и возбудился разговор по моему вопросу. К моему удивлению, ген. Гедевановичи категорически настаивал, что этого сделать нельзя без Правительственного постановления; Военный Министр категорически сказал, что он отдаст приказ. Оставалось только дать на подпись проект приказа, что могло занять времени не более 5 минут. Ген. Гедевановичи обещал все сделать и прислал мне копию приказа. Я ушел от него уверенный, что через 2-3 дня все будет устроено. Не тут-то было; прошло две недели, и я не получил ни ответа, ни привета. Через две недели я позвонил по телефону Гедевановичи и спросил его, отдан ли таковой приказ и почему он мне ничего не сообщает. Он мне ответил, что теперь помощником Военного Министра по хозяйственной части назначен ген. Мдивани и он все дело передал ему, и просил меня обращаться с этим вопросом уже к ген. Мдивани. Итак я получил полное его содействие. Я позвонил к ген. Мдивани. Началась опять старая история с должностями, с докладами, со справками и прочее: заканчивалось стереотипной фразой все скоро устроить. Между тем события не ждали и надвинулась грузино-армянская война. Я не буду вдаваться в ее причины и поводы; не буду вдаваться в подготовку к ней, как внешне-политическую, так и в военном отношении.

ГЛАВА VI

Армяно-Грузинская война. — Главное командование. — Шулаверские события. — Конец войны с Арменией

АРМЯНО-ГРУЗИНСКАЯ ВОЙНА

Военные представители Антанты, конечно, как и немцы, косились на развевающийся над Учредительным Собранием красный флаг и также на марксистское Правительство Грузии. Симпатии их были на стороне армян. Кроме того, в армянских войсках было много офицеров — русских. Наше офицерство называло армянские войска „7-й Деникинский корпус“. Конечно, у армян были другие более глубокие причины атаковать Грузию, тем более, что между Правительством Армении и Грузии шли переговоры. Находясь в отставке, я не был в курсе этих переговоров.

Армяне, атакуя Грузию, не могли рассчитывать овладеть Грузией; несомненно, они это знали и вряд ли даже под подстрекательством Деникина и, возможно, представителей Антанты (всего двух капитанов, одного англичанина и одного француза) рискнули бы воевать с Грузией.

В 1919-м году Грузинское Правительство издало книгу „Из истории Грузино-Армянских отношений“ на русском языке. Эта книга попала мне в руки уже в эмиграции, и, приготавливая свои воспоминания к изданию, в 1955-м году я счел необходимым добавить несколько слов на основании этой книги. Переговоры с армянами вел Сосико Мдивани, неудачный дипломат в Армении в 1918-м и затем в Турции в 1921-м году, передавший Батуми туркам. Из написанного в этой книге выясняется, что наши лидеры с 1917-го года обещали армянам те грузинские области, где большинство было армян, и это, вероятно, вследствие плохо понятого и неправильно примененного принципа самоопределения народов. Дело в том, что испокон веков